

18+ Владимир Васильевич Фетисов

Они были первыми

Из истории медицины в Узбекистане

Владимир Фетисов

**Они были первыми. Из истории
медицины в Узбекистане**

«Издательские решения»

Фетисов В. В.

Они были первыми. Из истории медицины в Узбекистане /
В. В. Фетисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530460-5

Рассказ о подвижниках медицины Узбекистана, стоящих у её истоков.
О первых врачах, которые приехали из России в 1918 году и создали
узбекистанскую медицину.

ISBN 978-5-00-530460-5

© Фетисов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Владимир Фетисов	7
Они были первыми	8
Ташкент – 2014	9
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Они были первыми Из истории медицины в Узбекистане

Владимир Васильевич Фетисов

© Владимир Васильевич Фетисов, 2020

ISBN 978-5-0053-0460-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Фетисов

Они были первыми Из истории медицины в Узбекистане

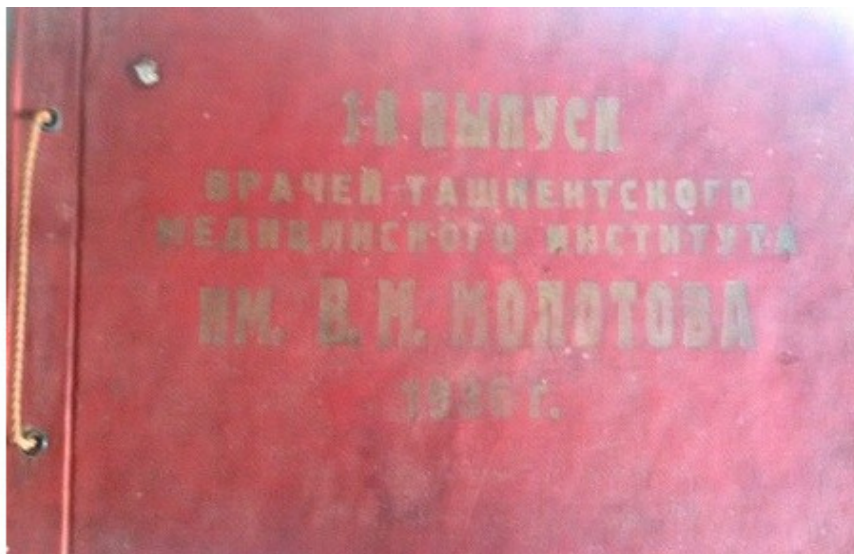

Ташкент – 2014 У истоков

Я держу в руке старый потёртый альбом. На обложке золотыми буквами, порядочно выцветшими,

написано: «1-й выпуск врачей Ташкентского медицинского института им. В. М. Молотова, 1936г.».

Это так называемый альбом-виньетка – такие были в ходу в те времена.

Какое отношение к медицине имел Вячеслав Михайлович неведомо, но, тем не менее, ташкентскому мединституту присвоили имя наркома СССР по иностранным делам. Его портретом альбом и открывается.

А потом один за другим открываются двенадцать альбомных листов с вклеенными виньетками. Двенадцать ступенек в далёкое уже прошлое.

На первом листе, как и положено, руководство института.

На самой верхней фотографии – Иосиф Виссарионович Сталин. Ну, куда же без лучшего друга советских врачей!.. А

вот Владимир Ильич, несмотря на то, что прошло всего двенадцать лет после его смерти, на вторых ролях. Где-то в углу, призывает к чему-то стоя под развевающимися знамёнами. А в другом углу дымят трубы, показывая, что в стране гигантскими шагами идёт индустриализация.

Несколько фотографий с затёртыми лицами. Это те, кто не избежал Большого террора 30-х годов. По обе стороны от Сталина, вероятно, также руководители государства, бывшие соратники вождя. Возможно Бухарин и Каменев, а может Зиновьев или нарком здравоохранения СССР Григорий Наумович Каминский, расстрелянный в 1938 году – фотографии безымянные. Такая же судьба постигла и коллегу Каминского, наркома здравоохранения Узбекистана Абдуллаева, лицо которого также затёрто на виньетке. Не повезло и тогдашнему директору ТашМИ Саттарову. Осталась только фамилия под затёртым лицом. Необходимо было вычеркнуть «врагов народа», не только из жизни, но и вообще из памяти народа. Поэтому из учебников вырывались целые страницы, вымарывались имена, закрашивались фотографии.

Мы живем под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.

Точно выразил то время Осип Мандельштам.

Но вернёмся к виньетке. В самом низу – три фотографии руководителей общественных организаций, без которых, конечно, никакая медицинская и учебная деятельность немислима. Два секретаря партячейки ВКПб (уз) – Бондаренко и Растегаева. Из каких соображений сразу два секретаря, неизвестно. И председатель профсоюзного комитета Расулев Ш. А.

По бокам от директора Саттарова, ещё не подозревающего о своей трагической участи, два его заместителя: Попов Г. – по хозяйственной части и профессор Мирочник – заместитель по учебной работе.

Моисей Филиппович Мирочник – личность легендарная. В 1914 году окончил медицинский факультет в Париже. Затем сдал государственный экзамен в Саратове на звание лекаря. А в 1917 году мы видим его уже в Ташкенте, где он трудится в городской Клинической больнице бок о бок с В. Ф. Войно-Ясенецким и М. И. Слонимом. С 1920 года и до самой кончины в 1945 году Моисей Филиппович Мирочник проработал на различных должностях в Ташкент-

ском медицинском институте. Как и Моисей Ильич Слоним, похоронен на аллее института, одним из основателей которого он был.

Чуть ниже – фотографии трёх деканов. Видимо тогда было только три факультета.

Лечебный факультет возглавлял профессор Пётр Фёдорович Архангельский. Родился Петр Федорович в 1893 году на Кавказе, в станице Ассановской. В 1917 году окончил медицинский факультет Донского университета. В студенческие годы увлёкся офтальмологией и, получив диплом лекаря с отличием, стремительно включился в лечебную, педагогическую и научную работу в своей alma mater. После успешной защиты докторской диссертации на тему «К патологии органа зрения при сыпном тифе» ему присвоили звание приват-доцента.

Будучи уже зрелым ученым и высококвалифицированным офтальмологом, он приезжает в Ташкент и в 1932 году избирается по конкурсу заведующим кафедрой офтальмологии в только что зародившемся Среднеазиатском медицинском институте. При глазной клинике института Архангельский впервые в Узбекистане организовал физиотерапевтический кабинет, оснащенный всей необходимой аппаратурой для лечения больных, а также протезный пункт.

Петра Фёдоровича Архангельского с полным правом можно назвать основателем узбекской школы офтальмологов. Долгие годы он занимал должность главного окулиста Минздрава Узбекистана.

Следующий, санитарный факультет, возглавлял в 1936 году учёный-эпидемиолог, профессор Алексей Васильевич Георгиевский.

В 1908 году восемнадцатилетний Алексей Георгиевский поступает на медицинский факультет Казанского университета, откуда в 1911 году переводится в Военно-медицинскую академию. Когда началась Первая мировая война, приезжает в Ташкент, где начинает медицинскую карьеру младшим ординатором военного госпиталя. Затем работает в Санитарно-бактериологическом институте, а с 1924 года и в Ташкентском медицинском институте, где в 1932 году стал профессором кафедры эпидемиологии. На его счету – 48 научных работ по проблемам гигиены, эпидемиологии и дезинфекционного дела.

Под фотографией третьего руководителя факультета, доцента Г. П. Ильинского, написано просто – декан. О Г. П. Ильинском известно лишь то, что он был первым заведующим кафедрой физвоспитания, лечебной физкультуры и врачебного контроля, созданной в 1934 году. Руководил Ильинский кафедрой 15 лет.

А дальше, страница за страницей, открываются ещё одиннадцать виньеток, на которых фотографии преподавателей и студентов первого выпуска Ташкентского медицинского института. Двести шестнадцать человек. Двести шестнадцать судеб. Они ещё не знают, что ждёт их впереди. Кого-то поглотит безжалостная машина репрессий, кто-то погибнет в боях Великой Отечественной, кто-то станет выдающимся учёным, совершившим прорыв в медицине. А кто-то – обычным врачом, принесшим исцеление тысячам людей.

Перелистаем же, мой читатель, этот альбом и попробуем хоть что-то узнать о судьбах некоторых преподавателей и первых выпускников ТашМИ.

Открываем следующую фотографию. Здесь нет затёртых лиц, как нет их и на остальных листах.

На этой виньетке только преподаватели. И что ни имя – то легенда.

В верхнем левом углу профессор Дмитрий Алексеевич Введенский. Красивое породистое лицо. Потомственный врач-уролог, хирург, участник двух мировых войн. Медицинское образование получил в Московском университете, который окончил в 1912 году. На фронтах первой мировой был не только хирургом.

Повоевал и солдатом, и пулемётчиком. Кавалер шести русских орденов – Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантами, Св. Станислава 3 и 2-ой степеней, Св. Анны с мечами и бантами 3 и 2-ой степеней и солдатского Георгия. Кроме русских наград Дмитрий Введенский награждён 4-мя французскими военными крестами – ему довелось повоевать и там – один с бронзовой звездой, два с золотой звездой и один с пальмовой ветвью. Кроме того за военные заслуги перед союзниками был удостоен ордена Почетного Легиона. Исключительный случай, ведь русских офицеров, отмеченных высшей наградой Франции, единицы.

В Россию Введенский возвращается в 1919 году и становится бойцом, а затем и командиром Красной Армии. В 1924 году приезжает в Ташкент и начинает работать ассистентом кафедры урологии медицинского факультета Туркестанского университета. Затем он доцент, а с 1933 года профессор этой кафедры. И первый председатель урологического общества Узбекистана.

В 1931 году он чудом спасся от репрессий. В это время всем бывшим эсерам – а Введенский когда-то состоял в этой партии – было предписано пройти регистрацию. Сделал это и законопослушный Дмитрий Алексеевич. Вскоре начались аресты. Введенского спасла Екатерина Павловна Пешкова, председатель Политического Красного Креста, прислав телеграмму в его защиту. Дело в том, что родная сестра Дмитрия Алексеевича, Надежда, была невесткой главного пролетарского писателя Максима Горького (Пешкова), она-то, очевидно, и похлопотала перед своей свекровью.

Когда начнётся Великая Отечественная война, Надежда вновь поможет брату.

Едва узнав о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, Дмитрий Алексеевич написал заявление с просьбой направить его на фронт в качестве хирурга. Однако 54-летний профессор получает отказ и вновь обращается к сестре, имеющей влиятельные связи. С большим трудом ей удалось удовлетворить желание Введенского, и в 1942 году он был мобилизован.

Д. А. Введенский

После войны Дмитрий Алексеевич возвращается на родную кафедру в ТашМИ, где и прослужит вплоть до 1956 года – последнего года своей жизни. Скончался профессор Введенский в результате инфаркта. Подробно о Д. А. Введенском рассказано на сайте «Письма о Ташкенте», где в июле 2011 года были опубликованы довольно обширные воспоминания дочери выдающегося медика.

Справа от Введенского фотография человека, похожего на писателя Марка Твена. Это профессор Георгий Александрович Ильин, один из основателей ТашМИ. В 1920 году он прибыл в первом из пяти «университетских» эшелонов, посланных в Ташкент для создания в Узбекистане университета.

Первый эшелон (основатели ТашМИ)

Тридцатипятилетний Георгий Александрович начинает работать здесь в должности старшего ассистента кафедры факультетской хирургии. В 1937 году защищает докторскую диссертацию на тему «Косорукость и ее лечение».

Г. А. Ильин

Герой труда, профессор Ильин в 1934 году возглавил кафедру общей хирургии ТашМИ, которой руководил вплоть до своей кончины в 1941 году.

Далее, в верхнем ряду, фотография человека с пышной окладистой бородой. Это профессор Евгений Михайлович Шляхтин. Он самый старший по возрасту на этой виньетке, родился в 1865 году и прежде чем стать врачом – а стал он им только в 1908 году, окончив Московский университет – хлебнул невзгод. В 1887 году за пропаганду в армии революционных идей народовольцев офицер Шляхтин был арестован и заключён в Петропавловскую крепость. Затем судом был разжалован в рядовые и отправлен за пределы России, в Турцию, где четыре года тянул лямку простого солдата. После университета некоторое время работал земским врачом, затем преподавал на медицинском факультете Московских высших женских курсов. После революции стал читать лекции в Ярославском университете, а в 1920 году, как и Ильин, прибывает в Ташкент в «поезде науки». Здесь он организовал и возглавил первую в Туркестане кафедру гистологии, оставаясь её заведующим в течение двух десятилетий – с 1920 по 1939 год, вплоть до своего ухода из жизни.

Е. М. Шляхтин

Позволю себе процитировать небольшой отрывок из очерка Татьяны Александровны Вавиловой о профессоре Шляхтине, опубликованного в «Письмах о Ташкенте» в июне 2013 года:

«Профессора Шляхтина знал весь город, так великолепно он читал лекции. Быть его студентом, а уж тем более заслужить у него на экзамене положительную оценку, было предметом гордости. Я знала учениц Евгения Михайловича, – моя тетя училась на медфаке в те годы. Несмотря на крайнюю строгость на экзаменах, Евгений Михайлович был очень добр и сочувственно относился к тем, кто терпел нужду, а годы были трудные. Профессор постоянно опекал не менее одного-двух студентов, помогая им материально.

У Евгения Михайловича была прекрасная библиотека, множество томов ценных медицинских изданий. Профессор оставил завещание, по которому все его книги были переданы городу. Они положили основу для нашей медицинской библиотеки, которая первоначально находилась в доме Шляхтина, в переулочке между Балыкчинской и Ассакинской. В небольшом читальном зале мне было очень уютно заниматься в студенческие годы. Мы так и говорили: «Идем в библиотеку Шляхтина».

Евгений Михайлович оставил нашему городу не только уникальную медицинскую библиотеку, о которой упоминает Татьяна Александровна. Будучи страстным собирателем картин русских художников, он и свою довольно обширную коллекцию завещал городскому музею искусств.

В верхнем правом углу виньетки фотография человека в круглых очках и с лысой, как бильярдный шар, головой. Это профессор Иван Васильевич Марковин, основоположник судебной медицины в Средней Азии. С 1928 года он руководил основанной им же кафедрой судебной медицины в Ташкентском медицинском институте, которой впоследствии присвоено его имя. Не знаю, носит ли кафедра это имя до сих пор.

Талантливый педагог, профессор Марковин поставил преподавание судебной медицины на очень высокий уровень и воспитал большое количество учеников, получив в 1944 году звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

В среднем ряду две фотографии – профессор Манкус Г.Ф и доцент Гаспарьян И. Г.

О Генрихе Францевиче Манкусе, известно не так много. Родился он в 1896 году. Окончил Саратовский медицинский институт в переломном для истории России 1917 году. По врачебной специальности – терапевт. В 1934 году за монографию «Функциональная диагностика печени» ему было присвоено звание профессора. С 1934 по 1942 год Манкус является заведу-

ющим кафедрой пропедевтики внутренних болезней лечебного факультета ТашМИ и активно участвует в развитии кардиографии в Узбекистане.

Несколько больше сведений об Иване Гавриловиче Гаспаряне. Родился он на исходе XIX века – в 1897-м. В 1924 году окончил медицинский факультет Туркестанского государственного университета. Фтизиатр. Докторскую защитил в 1940-м, впервые в Узбекистане разработав коллапсо-хирургическое вмешательство при туберкулёзе лёгких. Заведовал кафедрой туберкулёза ТашМИ, был деканом лечебного факультета. С 1944 по 1960 год – председатель Узбекского общества фтизиатров.

И. Г. Гаспарян

Татьяна Александровна Вавилова, будучи ученицей Ивана Гавриловича, любезно согласилась поделиться воспоминаниями о своём учителе.

– Где-то в 1963—64-м мы, студенты ТашМИ, впервые пришли на кафедру туберкулеза. Кафедра тогда располагалась на территории бывшего кадетского корпуса, в глубине двора, в одноэтажном старом кирпичном здании, перед которым был огороженный дворик. Из тех лет более всего запомнилась обстановка всеобщего почитания заведующего кафедрой профессора Ивана Гавриловича Гаспаряна. Он сумел создать очень дружный, преданный делу коллектив, для которого профессор был авторитетом непререкаемым. И, конечно, запомнились лекции Ивана Гавриловича и большие обходы больных. Профессор Гаспарян был отличным лектором, читал свободно, без бумажек, не прерывая рассказа, мгновенно зарисовывал мелом на доске рентгенологическую картину изменений в легком при различных формах туберкулеза, обязательно демонстрировал интересных больных, показывая студентам, как нужно собирать анамнез, на что обращать внимание при осмотре, как анализировать лабораторные данные.

На первой скамейке всегда сидели все преподаватели, аспиранты и клинические ординаторы кафедры и внимательно слушали вместе со студентами. А профессорские обходы! Это же целый ритуал, который выполнялся неукоснительно в течение многих лет. Профессор шел в ослепительно белом, хрустящем от крахмала халате и таком же белоснежном высоком колпаке. Чуть отступив, но рядом, шла санитарка или младшая медсестра с чистейшим полотенцем, смоченным в хлорамине, и уж потом вся свита: несколько взволнованный, будто студент перед экзаменом, лечащий врач со стопкой историй болезней и огромной тяжелой папкой рентгеновских снимков, врачи отделения, ординаторы и студенты. Часа два-три, а иногда и больше, переходили из палаты в палату, от одной постели к другой, тщательно «разбирая» каждый случай и обсуждая дальнейший план лечения. Это была прекрасная практика для всех кафедральных работников и студентов.

Но тогда фтизиатрия меня не увлекала, у меня был другой гуру – Федор Федорович Детенгоф. После занятий я ездила через весь город «по пятому номеру» в научный кружок по психиатрии.

И вдруг за год до окончания института ректор собирает в актовом зале весь наш курс. В президиуме – Иван Гаврилович. Ректор объявляет, что по приказу Минздрава создается субординатура по туберкулезу на лечебном и педиатрическом факультетах, зачитывает список из 90 человек, которые в нее включаются. С ужасом слышу свою фамилию и понимаю – бессильна, сопротивляться бесполезно. Встал Иван Гаврилович, говорил об успехах советской фтизиатрии, о том, что мы стоим на пороге уничтожения туберкулеза в стране, что нужно только еще немного, еще чуть-чуть и нам это чуть-чуть доверили – словом, утешительная речь. Я услышала только одно: именно нам суждено покончить с туберкулезом. Задала Гаспаряну вопрос: «Когда же можно будет из фтизиатрии перейти в другую специальность?» Иван Гаврилович расхохотался: «Не успела придти, как уходит хочет!».

Неполный год возглавлял нашу субординатуру Иван Гаврилович. К тому времени кафедра переехала на новое место. На Сагбане выстроили огромную 1-ю городскую туберкулезную больницу – несколько корпусов для больных легочным и внелегочным туберкулезом, хирургическое и патологоанатомическое отделение. Выделили этаж и для кафедры.

Субчикам, как нас называли, лекции читал только профессор Гаспарян, к каждой группе он прикрепил самых знающих своих ассистентов. Мы были первенцами, всё внимание было обращено на наше образование. Я осталась во фтизиатрии на всю жизнь и очень благодарна профессору Ивану Гавриловичу Гаспаряну и ассистенту к. м. н. Вере Ивановне Ващенко, которые заложили прочный фундамент нашей будущей профессии».

Упоминание имени профессора Гаспаряна я нашёл и в небольшом комментарии Русины Боковой в «Письмах о Ташкенте».

Маленький штришок: «Гости приходили без телефонных звонков каждый вечер, да и телефон-то был только у наших соседей – в семье профессора Гаспаряна Ивана Гавриловича. Он всю нашу семью лечил в случае надобности».

И, наконец, нижний ряд виньетки – профессора Данилов Н.В, Субботин С. М., Циммерман С.Э и доцент – в будущем также профессор – Парадоксов М. В.

Николай Васильевич Данилов... Он является организатором и первым председателем общества физиологов, биохимиков и фармакологов нашей республики, организатором лаборатории физиологии института экспериментальной биологии и медицины. Родился на рубеже веков – в 1900-м. 23-летним молодым человеком получает диплом Ростовского медицинского института. Профессором стал в 32 года. Во время первого выпуска ТашМИИ заведовал кафедрой нормальной физиологии. Его перу принадлежат 50 научных работ, посвящённых вопросам физиологии кровообращения. В 1949 году удостоен звания заслуженный деятель науки Узбекистана.

Н. В. Данилов

Участник гражданской войны Семён Матвеевич Субботин родился в 1889 году, учился на медицинском факультете Базельского университета, который успешно окончил аккурат к началу Первой мировой войны. Гигиенист, заведовал последовательно кафедрой социальной гигиены, которую сам и основал, а затем кафедрой гигиены детей и подростков. А ещё был членом редакционной комиссии по разработке Конституции УзССР.

Сергей Эмильевич Циммерман родился в 1882 году. В 1906-м окончил медицинский факультет Московского университета и остался работать на кафедре анатомии – сначала лаборантом, а затем помощником прозектора. В 1913 году он уезжает на стажировку в Германию, где пишет работу о развитии хрящевого черепа. В 1918 году заканчивает курсы усовершенствования по специальности болезни уха, горла и носа. Некоторое время работает в Ярославле, а в 1920 году уезжает в Ташкент, где принимает участие в организации медицинского факультета университета. В 1924 году С. Э. Циммерман избирается профессором и заведующим кафедрой анатомии Ташкентского университета и одновременно руководит кафедрой судебной медицины. Однако в 1938 году уезжает из Ташкента сначала в Куйбышев, а затем в Ставрополь. Является автором Словаря анатомических терминов и руководства по анатомической технике.

Более 30 лет Михаил Владимирович возглавлял кафедру хирургической стоматологии, был деканом стоматологического факультета, главным стоматологом республики, основателем научного общества стоматологов Узбекистана.

Уже будучи 94-летним стариком, он вспоминал один из эпизодов своей жизни, связанный с именем другого великого медика, оставившего глубокий след в истории нашей медицины и Ташкентской Епархии. Как-то хирургическое отделение городской больницы посетил тогдашний комиссар здравоохранения Л.И.Гельфгот. И обратил внимание на висевшую в опе-

рационной небольшую икону-образок. Тут же приказал иконку снять, что персоналом было немедленно и сделано. В актовом зале, как рассказывал Парадоксов, должно было начаться заседание научного общества врачей города: «Зал был полон, были уже заняты места в президиуме, и в это время на свободную еще кафедру поднялся Войно-Ясенецкий. Огромного роста, подтянутый, роскошные борода и волосы, в шелковой рясе, на груди панагия (образок) – атрибут епископа, снял очки – глаза горят. Обращаясь к залу, он громким, несколько взволнованным голосом сказал: «В Гельфгота вселился бес. Он снял икону в операционной и этим лишил меня возможности работать».

С. Э. Циммерман

Еще одна фотография, завершающая на этой странице альбома.

Михаил Владимирович Парадоксов. Представляю, сколько раз в своей жизни слышал он в свой адрес строки Пушкина, которые могли быть шутливо адресованы ему друзьями:

И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.

Между тем, специальность у него была самая серьёзная и к шуткам не располагающая – хирургическая стоматология. Родился один из основателей стоматологического факультета ТашМИ в 1892 году. В юности Михаил Парадоксов увлекается точными науками и в 1917 году оканчивает физико—математический факультет Варшавского университета. Однако тяга к врачеванию оказалась сильнее, и в 1923 году он получает медицинское образование в Ташкенте, в Туркестанском госуниверситете.

В. М. Парадоксов

Много воды утекло с тех пор...

О чем поведают нам другие листы? За каждой фотографией на виньетках – история выдающейся личности и становления медицины в Узбекистане. Но наша цель достаточно скромна – пролистать альбом первого выпуска ТашМИ, упомянув заслуги каждого ученого, педагога и выпускника, о которых удастся собрать сведения.

Следующая виньетка. На ней вновь только преподаватели. Затертых фотографий нет, но некоторых из этих людей репрессии все же не обошли стороной.

Кафедра Армаиса Аристагесовича стала признанным в Советском Союзе центром апробации новых методов лечения кожных и венерических заболеваний. К тому же, в течение 20 лет он был главным дерматовенерологом Минздрава Узбекской ССР, многие годы являлся председателем

В левом верхнем углу профессор Армаис Аристагесович Аковбян.

Человек необыкновенно одарённый. Видный учёный, врач, педагог, основатель узбекской школы дерматовенерологов, заслуженный деятель науки Узбекской ССР. А ещё он прекрасно играл на трубе, в юности участвовал в любительских постановках гимназического театра, в совершенстве владел немецким и латинским языками.

Родился Армаис Аристагесович в иранском городе Тебриз в самом начале 20-го века – 2 марта 1900 года. Вскоре семья вместе с маленьким Армаисом переезжает в Ашхабад, где и проходят детские и юношеские годы будущего врача и учёного. Там же, в Ашхабаде, он оканчивает мужскую гимназию и, недолго прослужив добровольцем в Красной армии, в 1920 году поступает на медицинский факультет только что созданного Туркестанского государственного университета. После окончания института в 1926 году Аковбян проходит по конкурсу на должность ординатора кожно-венерологической клиники, а с 1930 года избирается ассистентом кафедры дерматовенерологии, на которой проработал 44 года, до конца своей жизни.

Не обошла Армаис Аристагесовича и сталинская волна репрессий. В мае 1938 года он был арестован по чьему-то подлому доносу как «враг народа и организатор контрреволюционного подполья». И здесь проявился его железный характер. Несмотря на непрерывные допросы и пытки, этот мягкий, с виду человек не подписал ни одной бумаги и не дал показаний ни на кого.

Судьба в этот страшный период жизни сводит Аковбяна с одним из его учителей. Его сокамерником оказывается профессор Войно-Ясенецкий, архиепископ Лука. Ежедневные беседы, молитвы, стойкость Валентина Феликсовича несомненно поддержали несправедливо осуждённого.

В тюрьме Аковбян заболел туберкулёзом и через 20 месяцев был освобождён из-за отсутствия улики. Больной, но не сломленный он возвращается в родной институт и в 1940 году избирается профессором кафедры дерматовенерологии ТашМИ.

Вклад профессора Аковбяна в медицину огромен. В дерматологии он впервые в Советском Союзе стал применять фуранокумарины в виде экстрактов из листьев инжира для лечения больных витилиго, а также препараты глицирретовой кислоты, полученной из корней солодки, для лечения экземы, нейродермита и других дерматозов. Он владел техникой гипноза и достаточно успешно применял его для лечения больных красным плоским лишаем, экземой, крапивницей, нейродермитом и другими кожными заболеваниями.

республиканского научного общества дерматовенерологов.

Как вспоминает Татьяна Александровна Вавилова, которой посчастливилось слушать лекции Аковбяна по кожным болезням, специалист он был отличный, но лекции, видимо, ему изрядно надоели, и ему скучно было читать, а студентам слушать. Оживлялись лектор и зал, когда начиналась демонстрация больных. Тут уж профессор блестяще объяснял и ход обследования и проводил дифференциальную диагностику.

А. А. Аковбян

Рядом с Аковбяном на виньете фотография профессора Глеба Николаевича Терехова. Родился он 27 ноября 1887 года в Москве. После окончания гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, а когда началась Первая мировая война, был призван в действующую армию и направлен младшим врачом в Кронштадтскую крепость. В 1916 году получает диплом врача в Петербургском медицинском институте.

После революции Терехов вступает в Красную Армию и направляется врачом в стрелковый полк. Демобилизовавшись, в 1921 году уезжает в Рязань, где преподаёт нормальную и патологическую анатомию в фельдшерско-акушерской школе. Затем, в 1926 году, уезжает в Ташкент, где начинает работать ассистентом кафедры патологической анатомии САГУ. Почти 40 лет, с 1930 по 1966 год, Глеб Николаевич заведовал кафедрой патологической анатомии. Он автор 125 научных работ, посвященных изучению краевой патологии, детского висцерального лейшманиоза, бруцеллеза, токсического гетита с асцитом, заслуженный деятель науки Узбекистана.

Г. Н. Терехов

По свидетельству современников, он слыл большим оригиналом. Вот что пишет Семен Гохберг в своих воспоминаниях опубликованных в «Письмах о Ташкенте» в октябре 2010 года.

– Одним из самых больших оригиналов был, например, профессор-патологоанатом Глеб Николаевич Терехов, приехавший в Ташкент еще в 1920 году по путевке Ленина с группой профессоров, организаторов медицинского факультета Среднеазиатского университета (СаГУ).

Это был невысокого роста коренастый пожилой человек с крупной круглой лысой, как бильярдный шар, головой, носивший всегда медицинскую шапочку в виде пилотки и никогда не одевавший медицинского халата. У него было очень плохое зрение, он носил очки с толстыми стеклами в роговой оправе. Первую свою лекцию он начинал одинаково каждый год густым зычным басом: «Здравствуйте! Зовут меня Глебом Николаевичем. Лекции по патологической анатомии вам читать буду я и экзамены принимать, к вашему сожалению, ... (тут он держал паузу как хороший артист) тоже буду Я!». Затем тем же торжественным тоном продолжал: «Запишите первую тему —некрозы. Один легкомысленный молодой человек надел на половой член гайку и ходил с этой гайкой. В результате у него появился некроз полового члена! ... Девушки во втором ряду, перестаньте смеяться!». Самое интересное заключалось в том, что он не видел не только девушек из второго ряда, но даже книгу, лежавшую перед ним, читал, приставляя к очкам лупу. О профессоре Терехове ходили легенды: говорили, что он очень любил голубой цвет, и некоторые девочки шили специально к экзаменам по патанатомии голубые платья. Те, которым финансовые возможности не позволяли шить специально, одалживали у подружек платье только на время экзамена. В конце экзамена, оглядев очередную студентку в голубом, неожиданно заявлял: «По-моему, я сегодня это платье уже видел несколько раз!»

...Взяв зачетную книжку у одного из студентов перед началом экзамена, увидел, что там стоят две пятерки за предыдущие экзамены по фармакологии и патологической физиологии. «Ну, Колю Кампанцева ты обманул, – зычным голосом говорит Глеб Николаевич, – он старый, ему за семьдесят, но не понимаю, как ты Мишку Ханина обманул? (профессору Ханину было за шестьдесят). Меня ты не обманешь!» И медленно выводит в зачетке тройку, даже не дав возможности студенту ответить на вопросы билета. Иногда же, наоборот, увидев в зачетке тройки по предыдущим экзаменам, мог покровительственно сказать: «Ну что же ты так плохо учишься, вот тебе в подарок от профессора Терехова пятерка!» И опять не спросив ничего по билету. Тем не менее, Глеб Николаевич был блестящим патологоанатомом, и мне кажется, что и по сегодняшний день в Ташкенте нет более значительной фигуры в патологической анатомии.

А вот что вспоминает Татьяна Александровна Вавилова.

– Терехова студенты страшно боялись и из поколения в поколение передавали всякие случаи, которые то ли были, то ли нет. Например, что если студент отвечал плохо, то Терехов мог выкинуть его зачетку в окно или в форточку. Студенту приходилось за ней бежать. Рассказывали, что однажды студент из Бухары пришел к нему сдавать экзамен в красных сапогах и посчитал, что именно за них ему поставили «отлично». В его сапоги стали одеваться другие, пока Терехов не заметил и не выгнал с криком и двойкой.

Когда я училась, он тоже слыл ужасно строгим, а главное мог прилюдно унижить студента. На экзамен приходил очень рано. Кафедра располагалась в одноэтажном здании старого ТашМИ, во дворе. Вход был с крыльца. Дверь открыта, виден длинный коридор, следующая дверь в экзаменационный зал тоже открыта, напротив нее в конце комнаты сидит за столом профессор, и пока студент идет к нему отвечать, преодолевая всё это пространство, пристально разглядывает беднягу через лупу. Рядом с профессором пишущая машинка. Если ответ «интересный», то есть студент сморозил глупость, Терехов тут же ее печатает, а на завтра вывешивает на стенд – на всеобщее прочтение и глумление.

Ужасно не любил дураков, издевался, как мог, причем весьма непедagogично. Лекции читал великолепно. Но если кто-то из двухсот сидящих в зале громко начинал разговаривать или вертеться, выходил из себя, лекция была испорчена, вернуться к теме ему уже было трудно. Но если видел внимательные глаза, если в зале тишина, слушать его было очень интересно. Самодурство было, конечно. Однажды на нашем потоке случилось и такое – Терехов поднял студентку с криком: «Встань, человекообразное!!!» Всё равно студенты его ценили и уважали. У меня перед экзаменом по патанатомии неделю субфебрильная температура на нервной почве держалась. Но пятёрку поставил и не обругал.

Специалистом Глеб Николаевич был прекрасным. На кафедре собрал сильный педагогический состав, они все его обожали, как тогда бывало на многих кафедрах. Кафедра была его жизнью. Не хотел с нею расставаться ни за что, сопротивлялся отчаянно, ходил в партком, выступал громогласно на Советах, что «не вам меня смещать, меня сам Ленин прислал»... Когда пришлось уступить кафедру более молодому, он не ушел, остался профессором-консультантом до самой кончины. Его не стало 5 июля 1972 года.

Не менее известным ташкентским врачом был и профессор Моисей Ильич Слоним – его фотография на этой странице альбома в верхнем ряду в центре. О самом же профессоре написано столь много, что добавить что-то еще к биографии этой личности не представляется возможным.

Напомню только основные сведения. Родился Моисей Ильич в 1875 году. В 1893-м он заканчивает с золотой медалью Ташкентскую гимназию и летом того же года поступает на медицинский факультет Казанского университета. Успешно завершив учебу в 1898 году, возвращается в родной город и начинает служить уездным врачом в кишлаке Бордонкуль под Ташкентом. Затем работает ординатором ташкентской городской больницы. Здесь ему при-

шлось быть и терапевтом, и невропатологом, и инфекционистом, и педиатром, и окулистом, и стоматологом и хирургом. . . Вынужденная многопрофильность в работе необычайно расширила его кругозор и послужила становлению как профессионала высочайшего класса. После успешной защиты диссертации в 1906 году Слоним был направлен в лучшие европейские клиники – Берлин, Вена, Париж – для дальнейшего повышения своей квалификации.

Не обошли его стороной и революционные поветрия того времени. По некоторым сведениям Слоним был связан с «боевой группой партии социалистов-революционеров» и в 1908 году по делу этой группы был привлечен к дознанию в Ташкенте. В результате следствия было установлено, что Слониму из Петербурга было «выслано от ЦК партии эсеров 5 тысяч рублей на устройство подготавливавшейся экспроприации в Чимкенте. Деньги эти были переданы по назначению необнаруженным лицам». По всей видимости, последствий в этом деле для известного ташкентского врача не было. Заслуги Слонима перед революцией, очевидно, были учтены, поскольку и ему, и его родному брату – врачу Соломону Ильичу новое правительство – в знак особого уважения – в порядке исключения оставило их особняки в самом центре Ташкента. Эти дома стоят и поныне – со временем они все же перешли в государственную собственность В 1920 году, вместе с прибывшими из Москвы коллегами, Слоним участвует в создании в университете медицинского факультета. Через год получает звание профессора и становится заведующим кафедрой пропедевтики терапевтической клиники. Много энергии отдает улучшению материального обеспечения медицинского факультета, систематизации программ и учебных планов медицинского факультета. Всю свою жизнь профессор Слоним посвятил становлению качественной медицины в Узбекистане, занимая различные должности в системе здравоохранения республики – декана медицинского факультета, директора по учебной части ТашМИ, директор аСреднеазиатского института усовершенствования врачей (по совместительству).

Моисей Ильич был близким другом другого известного врача и священника, Войно-Ясенецкого, и не раз выступал в качестве заступника Валентина Феликсовича перед властями. Как я уже рассказывал, ссылаясь на воспоминания Михаила Владимировича Парадоксова, из операционной, где оперировал Войно-Ясенецкий, по распоряжению комиссара здравоохранения была убрана икона. Валентин Феликсович заявил, что не выйдет на работу, пока икону не вернут на место.

В 1921 году такой поступок расценивался не иначе как «саботаж» и считался одним из самых тяжких преступлений. Понимая, к каким последствиям это может привести, Моисей Ильич немедленно отправился на приём к тогдашнему Председателю Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б) Я. Э. Рудзутак и со всей дипломатичностью, объяснил «хозяину Туркестана», что арест выдающегося хирурга и педагога, его коллеги и друга Войно-Ясенецкого, нанесёт огромный ущерб молодой советской республике. Рудзутак пообещал профессора не арестовывать, предоставив врачам самим урегулировать этот вопрос. Это, правда, только отсрочило репрессии против хирурга-священника но, тем не менее, говорит об авторитете и смелости Моисея Ильича Слонима.

Умер профессор Слоним в 1945 году, и как один из основателей ТашМИ упокоен на территории институтского парка.

Могила М. И. Слонима

Надо сказать, что и родные братья Моисея Ильича – их у него было трое – оставили добрую память в Ташкенте. Соломон Ильич был первым врачом-рентгенологом в нашем городе. Михаил Ильич – учёным генетиком; он читал лекции по этой «лженауке» в Ташкентском сельхозинституте, за что и попал в сталинские лагеря. Потом, правда, был реабилитирован и даже получил Государственную премию. Лев Ильич, инженер, возвел в Ташкенте мост через Салар, сохранившийся до сих пор.

Продолжая рассматривать вторую виньетку, видим в верхнем ряду Льва Доминиковича Василенко. В то время он был доцентом – звание профессора получил спустя четыре года. Родился будущий хирург-онколог на закате 19-го века, в 1899 году. В 24 года получил диплом медицинского факультета Туркестанского государственного университета и начал работать в клинике ТашМИ – сначала ассистентом, затем – с 1925 по 1937 год – доцентом. В 1937 году назначен на должность заведующего онкологической клиникой, с 1951 по 1955 год работает проректором ТашМИ.

Лев Доминикович, по свидетельствам современников, был выдающимся хирургом. Заслуженный деятель науки Узбекистана, он является основоположником онкологии нашей республики. Во время Великой Отечественной войны служил главным хирургом крупной госпитальной базы на 13 тысяч коек под Ленинградом. После войны вновь возвращается в Ташкент. Между прочим, именно в его онкологической клинике в 1954 году вылечили от рака Солженицына, причём очень долго не выписывали, давая ему возможность окрепнуть. Вышел Александр Исаеви из ворот клиники практически здоровым.

Л.Д.Василенко

«И лицом разойдись от счастья, улыбаясь никому – небу и деревьям, в той ранневесенней, раннеутренней радости, которая вливается и в стариков и в больных, Олег пошёл по знакомым аллеям, никого не встречая, кроме старого подметальщика.

Он обернулся на раковый корпус. Полузакрытый длинными мётлами пирамидальных тополей, корпус высился в светло-сером кирпиче, штука к штучке, нисколько не постарев за свои семьдесят лет.

Олег шёл – и прощался с деревьями медицинского городка. На клёнах уже висели кисти-серёжки. И первый уже цвет был – у алычи, цвет белый, но из-за листьев алыча казалась бело-зелёной.

А вот урюка здесь не было ни одного. А он уже, сказали, цветёт. Его хорошо смотреть в Старом городе.

В первое утро творения – кто ж способен поступать благорассудно? Все планы ломая, придумал Олег непутёвое: сейчас же, по раннему утру, ехать в Старый город смотреть цветущий урюк.

Он прошёл запретные ворота и увидел полупустую площадь с трамвайным кругом, откуда, промоченный январским дождём, понурый и безнадёжный, он входил в эти ворота умирать».

Это отрывок из «Ракового корпуса», романа в котором Солженицын описал своё пребывание в онкологической клинике ТашМИ.

А вот что пишет Татьяна Александровна Вавилова в своих воспоминаниях опубликованных в «Письмах о Ташкенте» в мае 2012 года

– Василенко Лев Доминикович к рядовым врачам не относился. Доктор наук, хирург, онколог, заведующий кафедрой хирургии в ТашМИ, был известен и знаменит на весь Ташкент.

Оперировал мою маму в шестидесятых, уже в пожилом возрасте. А вот бабушка была его пациенткой, когда он только начинал свою карьеру. Медфак ТГУ Василенко закончил в 1923 году, учился и начинал работать с Войно-Ясенецким. А в тридцатых оперировал мою бабушку. Операция была сложной, полостной, тяжелой, но Лев Доминикович не ушел домой, он привык «выхаживать» своих больных. И никогда не уходил из больницы, пока не минует опасность.

Денег и подарков в те годы врачи в больницах не брали. Когда Василенко выходил бабушку, благодарность она выражала только устно, да еще вспоминала его добром до конца жизни. Счет тогда шел на минуты, затяни Лев Доминикович с операцией, либо еще что, умерла бы.

Наш район был особенный. Столько неординарных людей нигде не жили все вместе, как на наших улицах. В самом начале Обсерваторской, даже еще на Папанина жила мать Льва Доминиковича, по-моему, звали ее Мария Михайловна. Дама весьма пожилая, далеко за 80, но какие глаза под густыми ресницами! Какая интеллигентная, умная! Маме очень она нравилась, они, когда встречались, долго беседовали. Вот она рассказывала, что Лев Доминикович обладал хорошим музыкальным слухом и играл, если правильно помню, на скрипке. Во всяком случае, когда уже много лет спустя я преподавала на кафедре туберкулеза в мединституте, у нас на терапии преподавала невестка Льва Доминиковича, а на хирургии – его сын. Близких сотрудников они приглашали на семейные праздники, и те были в восторге от необычного приема. Все члены семьи играли или пели, гости тоже не отставали. Вечера напоминали старинные салоны, и традиция эта пришла от старших поколений».

Надо заметить, что и сын Льва Доминиковича, Георгий Львович Василенко также стал выдающимся хирургом.

И последний в верхнем ряду Василий Косьмич Ясевич.

Родился Василий Косьмич в 1894 году. Окончил в 1922 году медицинский факультет Туркестанского государственного университета. Хирург, гематолог. Интересна тема докторской диссертации, которую Ясевич защитил в 1938 году – «Материалы к изучению групп крови народностей Средней Азии». С 1937 по 1947-й заведующий кафедрой детской хирургии, а с 1944 по 1965-й возглавлял кафедру госпитальной хирургии санитарного факультета ТашМИ. Огромную роль сыграл Василий Косьмич и в организации службы переливания крови в Республике.

В 1930 году при хирургической клинике профессора Ивана Ивановича Орлова (о нём рассказ ниже) в Ташкенте был открыт первый кабинет переливания крови. Организатором и первым заведующим был Василий Косьмич Ясевич, в то время ассистент. Кабинет работал на общественных началах, без утвержденного штата и без ассигнований на оплату доноров. Первыми донорами были медицинские работники и родственники больных.

Через десять лет, в октябре 1940 года из этого кабинета вырос Узбекский научно-исследовательский институт переливания крови, и профессор Ясевич стал его научным руководителем. Впоследствии институт был преобразован в Научно-исследовательский институт гематологии и переливания крови Минздрава УзССР.

В. К. Яевич

Василий Косьмич был близким другом профессора Введенского. Именно Яевичу Дмитрий Алексеевич доверил удалить аппендикс у своей дочери. Вот, что вспоминает Никита Дмитриевна Введенская:

«Когда мне делали операцию по поводу аппендицита (оперировать папа попросил профессора Яевича), отец был в операционной, стоял за моей головой, но, естественно, не вмешивался».

Первый в нижнем ряду, профессор Николай Николаевич Компанцев. Учёный-фармаколог.

Слово Татьяне Александровне Вавиловой.

«Компанцев – это легенда. Он ходил в синей сатиновой блузе на кокетке, толстовке, как тогда говорили. Бородка клинышком, высокий, сухопарый, интеллигент!!! Настоящий профессор, хоть в кино снимай. Практику не вел, так что близко не знала, но лекции великолепные читал. Он так художественно описывал воздействие морфина, что все наши парни считали его наркоманом. Говорили, что не может человек так детально и прочувствованно передать, если на себе не пробовал. О каждом препарате Компанцев знал всё наизусть, память была отличная, несмотря на возраст. Но и от студентов требовал строжайше. С первого раза мало кому удава-

лось сдать, поэтому у нас он стал принимать экзамены сразу после окончания лекций, не дожидаясь начала сессии. Бывало по три раза ходили, пока не поставит в зачетку. А я, похвалюсь, сдала с первого раза на 5. У меня тогда три гордые пятерки были: у Терехова, Компанцева и Волинского. Остальные не в счет, их не особо трудно получила. Но это так, студенческие воспоминания. Компанцев ведь и человек был хороший. Жили они с женой, профессором терапевтом Ольгой Николаевной Павловой на улице Льва Толстого, если память не подводит. Свой дом у них был, по нищим временам послевоенным очень хорошо жили. Детей не было. Жили аскетично, как и было положено ученым того времени. Это сейчас стыдно быть бедным, а тогда стыдно было быть зажиточным, не то что богатым. Да и много ли им надо было! Так они людям оба помогали. Бедных студентов содержали, точно, как Шляхтин. Больным лекарства в больницы носили. Тётя моя тоже у них училась, только в начале 30-х и потом сталкивалась по работе. Она рассказывала, что в отделении у Павловой лежали тяжелые больные, которым нужны были дорогие редкие лекарства, а их в больничной аптеке никогда и не существовало. Ольга Николаевна с мужем достали на свои средства и вылечили. Понимаете, те врачи не только не брали взятку, они за свои деньги лечили бедных. И нас этому же учили. Мы еще студентами приносили одиноким и бездомным больным вкусное что-нибудь из дома, а когда работали, то лекарства часто возили из Ташкента в районные больницы, где отрабатывали после института. Для помощи больным у них в доме была целая аптека запасена. Для моей бабушки она лекарства давала, тогда и видела этот домашний фармацевтический склад та же тётя моя, Мария Петровна. Денег не взяли ни копейки, хотя у тёти были, она не нуждалась. Принцип. Возьмешь, скажут – торгуют. Светлая память обоим!».

Николай Николаевич Компанцев родился в 1893 году. В 1917 году окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Медицинское образование получил в Ташкенте, в Среднеазиатском государственном университете в 1924 году. 36 лет с 1933 по 1969 год руководил кафедрой фармакологии Ташкентского медицинского института. Заслуженный врач и заслуженный деятель науки республики.

Им разработаны вопросы получения и дозировки змеиного яда, фармакологии лекарственных растений, произрастающих в Средней Азии. Составлен указатель лекарственных и ядовитых растений Средней Азии.

Скончался Николай Николаевич в 1985 году.

О следующем человеке на фотографии, профессоре Мардерштейне, неизвестно практически ничего. Единственное, что удалось выяснить это то, что в 1939 году он был заведующим кафедрой нормальной анатомии в столице Киргизии, городе Фрунзе (ныне Бишкек). По всей видимости, после 1936 года, он навсегда покинул Ташкент и переехал в Киргизию.

Рядом с Мардерштейном доктор Лев Исаевич Райхштейн.

Л. И. Райхштейн

Травматолог, соратник профессора Берлинера, о котором я рассказал в книге «Ташкентский дом на набережной».

Родился Лев Исаевич в 1886 году. В 1912-м окончил медицинский факультет Московского университета. С 1938-го по 1943-й год заведующий кафедрой ортопедии ТашМИ, занимался проблемами лечения костно-суставного туберкулёза. Научный сотрудник НИИ Травматологии и ортопедии.

Следующий в ряду профессор Семён Дмитриевич Баутин. В 1914 году, в 35-летнем возрасте окончил медицинский факультет Саратовского университета. Гигиенист. С 1928 по 1936 заведовал кафедрой гигиены ТашМИ. В 1935-м, защитил докторскую на довольно парадоксальную, для гигиениста тему – «Опыт изучения санитарно-гигиенических условий производства табака-махорки». Автор 29 научных работ посвящённых гигиенической оценке различных пищевых продуктов, а также воздействию внешней среды на организм человека.

Завершает нижний ряд уже знакомый нам профессор Марковин о котором выше уже было рассказано

Следующая фотография. Здесь мы видим профессора Рагозу в окружении студентов.

Генерал медицинской службы, участник гражданской и Великой отечественной войн, Николай Иванович Рагоза родился в 1883 году. В 1910 году оканчивает Военно-медицинскую академию в Петербурге и уже через три года там же защищает диссертацию на степень доктора медицины. В 20-е годы приезжает в Ташкент, где участвует в создании медицинского факультета Туркестанского Университета, а затем и Ташкентского медицинского института. С 1926 по 1933 год возглавляет кафедру пропедевтики внутренних болезней, а с 1933 года лечебный факультет ТашМИ.

Николай Иванович был в тёплых дружеских отношениях с хирургом-священником Валентином Феликсовичем Войно-Ясенецким. Когда последнего в 1930 году арестовали по делу профессора – физиолога Михайловского – на самом деле это был лишь предлог, арестовали святителя Луку за религиозную деятельность – профессора Рагоза и Слоним, приложили немало усилий, чтобы спасти своего коллегу.

Они подают следователю, ведущему это дело, официально заверенную справку о том, что В. Ф. Войно-Ясенецкий страдает склерозом аорты, кардиосклерозом и значительным расширением сердца. Пользующиеся огромным авторитетом известные врачи пишут, что «Войно-Ясенецкий по роду своего заболевания нуждается в строгом покое и длительном систематическом лечении». Правда это не помогло и Особое совещание ОГПУ (так называемая тройка) приговорило Войно-Ясенецкого к трёхлетней ссылке в Северный край. В 1986 году в Ташкенте вышел исторический детектив Владимира Михайлова «Выстрел не Лахтинской», в котором в художественной форме рассказывается о деле профессора Михайловского.

В 1939 году Николай Иванович Рагоза покидает Ташкент и возвращается в свою «alma mater» – Ленинградскую военно-медицинскую академию, где возглавил клинику и кафедру инфекционных болезней.

Николай Иванович являлся одним из крупнейших учёных-инфекционистов. Он внес большой вклад в изучение болезней крови, разработал наиболее полную классификацию лейкозов. Огромный клинический опыт и многогранный талант врача, учёного и педагога отра-

жен в многочисленных научных трудах. Труды эти не утратили своего значения и в нынешнее время. К таким работам относится, например, двухтомное исследование «Брюшной тиф» изданное в Ташкенте в 1935 году.

Профессор Рагоза один из авторов многотомного издания «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Скончался Николай Иванович в 1956 году в Ленинграде.

Судя по всему, студенты на этой виньетке – выпускники лечебного факультета, который возглавлял Николай Иванович Рагоза. Слева от профессора фотография девушки с волевым, целеустремлённым взглядом. Это Лидия Абрамовна Элькинд – будущий профессор-гистолог, педагог ТашМИ и член правления республиканского общества анатомов, гистологов, эмбриологов. О Лидии Абрамовне до сих пор с огромной теплотой вспоминают её многочисленные ученики. Вот что пишет Семён Гохберг.

Лекции по гистологии читает доцент Лидия Абрамовна Элькинд, невысокого роста, полноватая еврейка с громким голосом и сильной картавостью – «р-р-р» у нее рождается где-то в глубине горла и по нарастающей выплескивается вместе с фразой наружу. Сказать, что Лидия Абрамовна знает гистологию блестяще, значит, не сказать ничего. Лекции она не просто читает, а громко, с выражением, диктует, держа в правой руке длинную указку, которая одним концом упирается в пол, другой конец возвышается над Лидией Абрамовной на полметра – эдакий Дед Мороз с посохом. Лекции ее настолько четкие, насыщенные фактическим материалом, что учебник можно практически не читать. Ее лекции студенты переписывают друг у друга, если кто-то пропустил занятия или не успел записать. Интересно, что если взять кон-

спекты ее лекций за несколько лет, то они слово в слово повторяются – все доведено до автоматизма.

Во время практических занятий она обычно ходила между сидящими за микроскопами студентами, иногда опиралась сзади мощным бюстом на плечи какому-нибудь симпатичному студенту и зычным голосом спрашивала: «Ну, что мы здесь, юноша, видим в микр-р-роскоп?». Бедный юноша краснеет, бледнеет, заикается от стеснительности и неловкости от столь пристального внимания доцента. В целом же Лидия Абрамовна была добрейшим и замечательным человеком, которую очень уважали и любили и преподаватели, и все студенты без исключения, что в принципе в институте было явлением крайне редким.

Память 1 декабря 2005 **ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРТОН**

Давид ТАЙБЕРГ,
Хайфа

С большим интересом прочитал в "Еврейском камертоне" за 28 июля с.г. о вышедшем в свет двухтомнике профессора Семена Гилена "Евреи в Узбекистане", и тут же приобрел это издание. Больше всего меня заинтересовали материалы о евреях-медиках, что вполне объяснимо: я долгие годы работал врачом в Узбекском медицинском институте (ТашМИ).

Должен заметить, что в узбекской медицине и, в частности, в ТашМИ, несмотря на многочисленные негласные директивные указания, всегда работало много специалистов-евреев. И отношение к ним было вполне нормальным по сравнению с медицинскими вузами в других республиках. Например, в конце 1970-х годов начал изучать иврит, а в 1980-м меня пригласили для "профилактической беседы" в управление КГБ, затем изучили всю известную литературу.

Руководство ТашМИ было поставлено в известность о "неблагонадежном" сотрудничестве, но, к его чести, оставило меня преподавать в институте.

На страницах двухтомника назвал десятки знакомых имен. Особенно порадовало то,

что среди них обнаружил имя очень дорогого для меня человека - профессора Лидии Абрамовны Элькиндр. Лет двадцать назад написал для газеты "Вечерний Ташкент" и журнала на идише "Советиш геймланд" (маз-лошн я стал изучать в 1953 году, когда было "дело врачей") заметку о профессоре Элькиндр. Перечитав ее недавно, пришел к выводу, что этот материал вполне можно опубликовать и сейчас, когда Лидия Абрамовна уже нет с нами, чтобы почтить память этого замечательного человека и прекрасного специалиста, которому в этом году исполнилось бы 90 лет. В сердцах родных, близких и учеников Лидия Абрамовна оставила добрую, светлую память.

"ДОРОГОЙ НАШ ЧЕЛОВЕК"

Это только одна из страниц многих писем, которые получает Лидия Абрамовна Элькиндр - педагог, ученый, профессор кафедры гистологии Ташкентского государственного медицинского института. А вот записка, которую ей передали после лекции "Дорогая Лидия Абрамовна, мы прослушали лекции не только по эмбриологии - это был монолог о горячей любви и преданности своему делу".

Мне повезло больше, чем другим: я не только учился у Лидии Абрамовны, но и долгие годы работаю с ней в одном коллективе. Прошли многие годы, а я и сейчас вижу, как входит она в аудиторию и начинается чудно-интереснейшее занятие по гистологии, которая нам представлялась очень сухой дисциплиной. Отличное знание материала по теме, эрудиция, эмоциональность изложения, живая манера речи, наконец, спокойная обстановка, чувство добро-

той вклад в медицинскую науку. Дочь рабочего - она стала доктором медицинских наук, профессором. Ее опубликовано 125 научных работ, в том числе две монографии по различным вопросам нормальной и патологической гистологии. Под ее руководством защищены большое количество кандидатских и докторских диссертаций. Лидия Абрамовна относится к тем счастливым людям, которые выбирают свой путь раз и навсегда - "одна, но пламенная страсть". В ее трудовой книжке в течение полувека одна запись: кафедра гистологии. Менялась только должность: лаборант, ассистент, доцент, профессор.

"Что придает мне силы и уверенность в жизни, в работе? Это ощущение того, что я нужен людям. Я придерживаюсь известной истины: чем больше отдашь, тем больше приобретешь. Медицина - это мой мир. Мир, в котором я живу полной жизнью, в котором я лучше всего могу выразить себя".

Это не просто красивые слова - знаем все мы, ее ученики и коллеги".

Ныне ученики профессора Элькиндр живут и работают во многих странах. Немало их и в Израиле. Среди них - дочь Лидии Абрамовны, врач Татьяна Скортенская, и ее внук врач Леонид Скортенский.

"ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ"

Профессор Лидия Абрамовна Элькиндр.
Фото автора

А вот вспоминает Татьяна Александровна Вавилова: «Лидия Абрамовна Элькиндр, многолетний заведующий кафедрой гистологии ТашМИ, была не только студенткой Шляхтина, но и его последователем. Всю жизнь Лидия Абрамовна отдала кафедре гистологии, всю жизнь проработала на одном месте – от лаборантки до заведующей. Сколько раз её вспоминали с благодарностью бывшие студенты ТашМИ!

Лидия Абрамовна, яркая, красивая, плотная женщина с сильным характером, в наши студенческие годы исполняла обязанности завкафедрой.

Читала она лекции в зале, на втором этаже, где была тогда кафедра гистологии. Это от того входа на территорию старого ТашМИ, который ближе к железнодорожному мосту. К зданию мы шли по аллее прямо, и там такая интересная лестница из металла – двойная, слева и справа поднимаешься в одну балконную дверь. Лидия Абрамовна быстро входила в зал, всегда вовремя, и, не тратя ни секунды, громким голосом начинала лекцию. Говорила внятно – каждое слово четко долетало до самого конца большого зала. Без микрофона, в зале на 200 или даже больше человек, не помню уже. Слушали её лекции сразу два факультета. Мы, лечебники, и педиатры. Да еще вечерники с нами сидели! Только когда я стала сама читать в такой большой

аудитории, поняла, что значит уметь взять на себя внимание стольких людей. Мы едва успевали записывать за нею, и конспекты лекций Элькинд стали для нас незаменимым пособием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.